

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Часть 1. Детство	7
Колыбельные песни	8
Родинный цикл обрядов	13
Пестушки	20
Потешки	20
Прибаутки	21
Небывальщины	23
Заклички и приговорки	25
Игры и считалки	28
Загадки	31
Прозвища и дразнилки	34
Докучные сказки	36
Скороговорки	37
Примечания	39
Часть 2. Юность	41
Посиделки	41
Драки. Кулачные бои	56
Рекрутство	62
Примечания	68
Часть 3. Свадьба	72
Свадебный обрядовый комплекс	75
Сватовство	76
Сговор	78
Девичник	81
Баня	85
Свадебный день	86
После свадьбы	96
Примечания	98
Часть 4. Народный календарь: праздники, обряды, приметы и т.д.	102
Зимние календарные праздники: Святки (Рождество и Крещение), Масленица	104
Весенние календарные праздники: закликания весны (веснянки), Средокрестие, Благовещение, Егорий Вешний, Пасха	122
Летние календарные праздники: Вознесение, Троица и Семик, Иван Купала, Петров день, Илья	131
Осенние календарные праздники: Симеон-Летоприводец, Покров и Параскева- пятница, Кузьма-Демьян	141

Примечания	145
Часть 5. Старость. Смерть. Похороны	148
Старики – хранители мудрости	148
Смерть и обряды похорон	160
Примечания	173
Литература	177
Русско-английский словарь	180
Терминологический словарь	192
Словарь диалектных и устаревших слов	198
Список иллюстраций	210

ПРЕДИСЛОВИЕ

Наверное, не совсем справедливо называть эту книгу пособием, и лучше было бы использовать в ее названии нейтральные «беседы о...» или «материалы к...», потому что вы не найдете здесь предполагаемых для традиционной формы пособия методических рекомендаций, вопросов после текста, упражнений и заданий, закрепляющих материал. И все же не хотелось бы отказываться от названия «пособие», и вот почему.

Во-первых, перед вами книга, рассказывающая о жизни русского народа в ее традиционных формах: верованиях, семейных и календарных обрядах, традиционных праздниках и деталях быта. Весь материал организован в пять разделов в соответствии с основными этапами жизненного цикла человека. Вы узнаете об обрядах рождения и о детских играх; о том, как развлекалась на посиделках деревенская молодежь; о традиционных взглядах русских на брак и о том, как играли в старину свадьбу; как жил в течение круглого календарного года русский крестьянин, как уживались в нем древние языческие и христианские верования; и не только о том, как он жил, но и как умирал, как относился к жизни и смерти. И все это теснейшим образом было связано между собой словом...

Вот мы и добрались с вами до главного – конечно же, это книга о русском фольклоре. Только здесь нет привычного членения материала по фольклорным жанрам, но есть примеры функционирования того или иного жанра в народной жизни. И теперь можно сказать, во-вторых...

Эта книга написана для того, чтобы познакомить вас с традиционной русской культурой, которая, как любая другая, синкретична и представляет собой сложный комплекс взаимодействующих понятий. Возможно, эту книгу следует воспринимать как своего рода путеводитель по залам традиционной (народной) культуры в музее «Россия», без посещения которых трудно, а скорее всего, просто невозможно понять залов современной культуры. Тем более, что задача всякого пособия – «пособлять», т. е. помогать в освоении материала. Материал же, избранный вами для освоения, и сложен, и обширен, и очень интересен.

Думается, что было бы совсем неплохо, если бы, воспользовавшись этим пособием, в такой музей заглянули бы и русские студенты, и школьники, хотя задумано оно было прежде всего в расчете на иностранных учащихся так называемого продвинутого уровня, т. е. на тех, кто уже овладел русским языком настолько, что смог познакомиться с русской литературой, и кто решил не останавливаться на достигнутом, а узнать о ее предшественнике – о русском фольклоре и о его роли в русской культуре.

К сожалению, и мы, сегодняшние русские, знаем о себе до обидного мало и подчас можем гораздо больше сообщить об истории, обычаях, нравах и традициях народов других стран, что и передадим, судя по всему, своим детям. А жаль... В связи с этим мне вспоминаются слова известного собирателя русского фольклора в XIX веке Петра Васильевича Киреевского о том, что «отличительное свойство варварства – беспамятность, что нет ни высокого дела, ни стройного слова без живого чувства своего достоинства, что чувства своего достоинства нет без национальной гордости, а национальной гордости нет без национальной памяти».

Все материалы, которые даны в этой книге, конечно же, не выдумка и не работа фантазии автора. У каждого описанного факта или мнения есть точный «адрес» или авторство. Все это указано в достаточно подробных примечаниях к каждому разделу. И если что-то вас заинтересует, вы всегда сможете обратиться к указанному там источнику. Поэтому, хотя в данном пособии и нет упражнений, но для интересующихся в нем есть ключ к интересной самостоятельной работе.

Информация, которую вы почерпнете со страниц пособия, поможет вам по-новому взглянуть на многие литературные произведения русской классической и современной литературы, даст более глубокое понимание характеров и образов, возможно, упростит восприятие и объяснит уже подзабытые самими русскими идиоматические выражения.

Чтобы облегчить вам чтение, на полях текста дается английский перевод наиболее сложных слов и выражений. Кроме того, в книге немало диалектизмов, просторечных выражений, разговорной лексики, поэтому в конце пособия даны три словаря:

русско-английский, словарь диалектных и устаревших слов и словарь фольклористических и церковных терминов.

Обратите внимание на принятые в тексте обозначения:

- надстрочными цифрами даются номера соответствующих примечаний;
- надстрочные буквы «д» и «т» обозначают слова, значение которых объясняют словари (д – словарь диалектных и устаревших слов, т – терминологический);
- в русско-английском словаре дается перевод слов, не относящихся к часто- и общеупотребительной лексике.

И наконец, книга снабжена многочисленными иллюстрациями. О некоторых из них смело можно говорить, как о редких и малоизвестных, и все они являются важным дополнительным материалом к тексту.

Часть 1

ДЕТСТВО

Колыбельные песни. Обряды родин и крестин.
Детский фольклор: пестушки, потешки, прибаутки, перевертыши,
заклички, прозвища, игры и считалки, загадки, докучные сказки, скороговорки.

*Малы деточки – что частые звездочки:
и светят и радуют в темную ноченьку [60:
133].*

Рис. 1. Крестьянка Тамбовской губ. С ребенком. (Фотогр. нач. XX в. (ГИМ)).

Есть одна русская сказка, которая начинается так: «Худое^д житье было старику со старухой! Век они прожили, а детей не нажили; смолоду еще **перебивались**^н так-сяк; состарились оба, напиться подать некому, и **тужат**^н и плачут...» [48: 85]. Плохо без детей. Нет без них ни радости, ни счастья; и жизнь прошла **напрасно**^н, коли^д не дал Бог детей «в молодых летах^д на утеху^д, в старости **на подмогу**^н, а по смерти на помин души...» [48: 283].

Существует немало сказок с похожим зачином^т в фольклоре многих народов. По-разному разворачиваются сюжеты, по-всякому складываются судьбы героев, но у сказок, как правило, бывает счастливый конец: «...обвенчались они и стали себе жить-поживать, добра наживать» [48: 90]. Если же посмотреть, как все в жизни происходило, то после свадьбы молодых целый год **чествовали**^н как новобрачных. Но если через год в новой семье не слышался крик младенца и не звали на крестины, то свадьбу старались не вспоминать. Бездетность воспринималась не только как беда, но и как наказание: «за грехи, видно, Бог детей не дает...» В детях человек видел не только продолжение своего рода, но и продолжение жизни вообще. «В разговорной речи Древней Руси "род" – рождение, порождение» [30: 25], а не только обозначение родства (ведь до сих пор существует

выражение род человеческий) или семьи (отсюда и родители, и родственники) [30: 28]. То есть *род* воспринимался как «процесс, действие», как «поколения, сменяющиеся во времени» [30: 28]. От отца к сыну, от сына к внуку... Так и тянется нить жизни. От рождения – к родству.

Родство может быть не только по крови, но и по духу. Человек с момента своего рождения оказывался в особой атмосфере («*гомосфере*» – Д. С. Лихачев), созданной предшествующими поколениями. Ребенок входил в мир как его малая часть, и мир принимал его и раскрывался ему, отдавая накопленные предшественниками знания. И особую роль в этом процессе играло с л о в о. Оно было хранителем памяти, **залогом**^н будущей жизни. Слово начинало звучать в первые минуты жизни и сопровождало человека всю жизнь.

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ^и ПЕСНИ

Тихо в доме. Лишь качается, поскрипывает **колыбель^и**, и звучит в ритм движению простой напев:

Спи, спи, мое дитячко,
Спи, спи, мое сердечко!
Баюшки, баю,
Люлюшки, люлю... [44. I: 55].

Рис. 2. Мать, качающая колыбель. С.Ворзегоры Онежского у., Архангельская губ., 1910 г. (Фотогр. из фондов РЭМ).

Успокоить, усыпить, укачать... Для того и движется колыбель, для того и поется колыбельная. Само название *колыбель* происходит от устаревшего глагола *колыбать* – качать¹, и песня *колыбельная*, значит, песня специально для качания.

А еще называют иногда в народе колыбельную песню *байкалкой*. Это от другого старинного глагола *баять*² – говорить, а в еще более старом значении – воздействовать словом, убеждать, заговаривать^д. *Укачать* и *убаюкать* часто заменяют друг друга, как синонимы.

Что же в колыбельной главное – слово или ритм (движение)?

Слово. У него была особенная сила и особое значение. Человек верил: «Что сказано – все **сбудется**»¹, значит, над колыбелью предсказывали судьбу, будущее³:

Бай, побаюшки,
Спи-тко, теплая сугрева¹,
Отцу-матери замена;
Вырастешь большой –
Будешь хороший да баской¹...
Станешь в людушки¹ ходить,
Станешь денежки носить,
Станешь работку работать,
Станешь пашенку¹ пахать [44. I: 40].

* * *

...Баюшки, баю,
Баю детку мою!
Вырастешь большой,
Будешь счастливый, талантливый¹.
Будешь в золоте ходить,
Золоты кольца носить... [44. I: 50].

Каждой матери хочется, чтобы ее дитя было здоровым, умным, красивым, чтобы ждали его богатство и счастье-удача... Об этом она и поет. Магия слова – древняя. Происхождение колыбельной песни идет из далекого прошлого, так как большая часть колыбельных представляет собой чистый заговор¹⁴:

Я качаю день и ночь,
Отойди, бессонье, прочь!
Отойди да отвались,
В темном лесе заблудись.
В темном лесе, во кустах,
Во малиновых листах [44. I: 59].

* * *

Люшеньки, люли,
Спи, дитя, усни,
До утренней зари,
До свежей росы [44. I: 59].

* * *

Спи-тко, Маня, здорово,
А вставай весело.
Уж ты спи камушком,
Вставай перышком [44. I: 59].

Некоторые из таких колыбельных со временем добавили к своей древней основе христианские элементы (Богородицу, святых, ангела-хранителя):

Баюшки, баю.
Сохрани тебя
И помилуй тебя
Ангел твой,
Сохранитель твой.
От всякого благу¹,

От всех скорбей,
От всех напастей^д:
От лому-ломища^д,
От крови-кровища,
От зло-человека –
Супостателя^д [44. I: 64].

Кроме чисто заговорных формул встречается в колыбельных и такой прием, как персонификация Сна, Дремы и Угомона – сил, олицетворяющих (как у древних греков – Гипнос, Морфей и Психея) глубокий и легкий сон, покой, отдых. В древности персонифицировались болезни, силы природы, смерть⁵:

Ходит сон по лавке^и,
А дремота по избе^и,
Ищет-поищет детоньку мою,
Где найдет, тут и спать укладет [44. I: 41].

* * *

Спи, усни,
Бай, бай, бай!
Угомон тебя возьми... [44. I: 39].

Как живые существа бродят Сон и Драма, ищут колыбельку, их можно позвать, можно наградить за то, что усыпили малыша, они разговаривают между собой:

Сон ходит по терему^д,
Дрема по высокоу.
Сон со Дремой
Да перессорились.
Как Драма-то говорит:
– Удремлю, удремлю.
– Сон-то говорит:
– Усыплю, усыплю
На всю темную ночь
И на весь белый день,
Пусть-ко выпится молодень^д... [44. I: 45].

* * *

– Уж ты, Дремушка-Дрема,
Приди к Ване в голова!
Дремушка-Дрема
По проулочку брела.
Уж ты Дремушка-дрема,
Зайди к Федору на двор:
Тебе Федора жена
Платчишечко^д дала.
– Вот спасибо тебе, Марьюшка!
– На здоровье тебе, Дремушка! [44. I: 53].

Очень четко прослеживается обрядовая основа колыбельной песни в многократно повторяющемся рефрене: *бай-бай*, *баюшки-баю* или *люли-люли*, *люшеньки-люли* и т.д. Это специальный колыбельный рефрен. Он может использоваться в каких угодно вариациях и сочетаниях. Рефрен *люли-люли* в различных вариантах распространен у многих народов мира: англ. «лалабай», перс. «лоло», лит. «люли», укр. «люлю» и т.д. – от исходного корня -

lul- (санскрит.), несущего значение 'дрожать, колебаться из стороны в сторону'. *Люлька* – это колыбель на выгнутой опоре; древнерусское *люлети* значит 'укачивать ребенка'. Следовательно, получается как бы приказ действием: качаю, качаю, качаю... спи! А припев баю-бай распространен преимущественно в русских колыбельных. Он все от того же глагола баять – говорить, заговаривать. Баю, баю – значит, говорю, говорю, говорю... спи! Все тот же приказ, только словом. И качать и баюкать имеют одно значение – 'усыплять'⁶.

Еще один вид колыбельных (составляющих целые циклы) связан с животными и птицами. В их основе лежат тотемические верования⁷. Когда-то они тоже оберегали и защищали ребенка от злых сил. Позже их развитие пошло по пути художественных ассоциаций. Примером может служить одна из многочисленных колыбельных о коте:

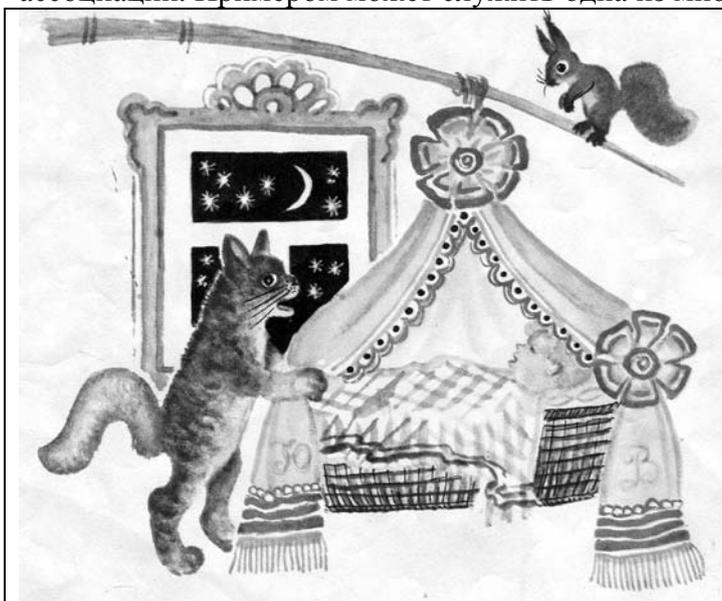

Рис. 3. «...Приди, котик, ночевать, Ваню нашего качать...» (Илл. Ю. Васнецова к колыбельной, серед. XX в.).

А баю, баю, баю,
 Спать укладываю,
 Приговариваю,
 Не ходи ты, коток,
 По чужим дворам;
 Не качай ты, коток,
 Чужих деточек,
Малолеточек^и.
 Приди, котик, ночевать,
 Нашу Машу покачать.
 Уж как я тебе, коту,
 За работу заплачу:
 Дам кувшин молока
 И кусок пирога,
 Ушки вызолочу,
 Лапки высереблю^д
 [44. I: 84].

Кота зовут в няньки качать-баюкать деточку, ему дарят за работу подарки, его угощают, у него может быть тяжелая жизнь (лихая^д **мачеха**^и, много всяких забот и **хлопот**^и и т.д.). Кот – животное спокойное, много спит, вот и хорошо бы сделать так, чтобы кот передал эти свои свойства ребенку... Может быть поэтому когда-то, прежде чем положить в новую колыбель ребенка, в нее клали сначала кота. Со временем образ потерял магическую силу, и – уже просто как персонаж колыбельных – кот зажил своей жизнью⁸:

Рис. 4. «Я тебе, коту, за работу заплачу: дам кусок пирога и налью молока...» (Илл. М. Матвеева к колыбельной, вторая пол. XX в.).

<p>А кот с горюшки, Кот с кручинушки^д, Кот на печку пошел, Горшок каши нашел.</p>	<p>На печи калачи^н Как огонь горячи. Пряники пекутся, Коту в лапки не даются [44. I: 91].</p>
--	---

Существует еще и совершенно особый вид колыбельных песен – колыбельные, **накликающие**^н смерть. Нет сомнения, что мать желает своему ребенку добра, поэтому тексты таких песен долгое время были загадкой для исследователей:

Бай-бай да люли.
Хоть сегодня умри.
Сколочу тебе гробок
Из дубовых досок.
Завтра мороз,
Снесут на погост^д.
– Бабушка-старушка,
Отрежь полотенце
Накрыть младенца.
Мы поплачем, повоем,
В могилку зароем [44. I: 69].

Колыбельные, подобные этой, существуют во всем мировом фольклоре. У них оберегающая, защитная функция. Так мать пытается защитить свое дитя от злых духов, болезней, смерти. Этот тип заговорных колыбельных перекликается с особыми обрядами^т, имитирующими смерть («перераживание», «продажа», «выметание на сор», перемена имени и т.д.)⁹.

Так песня, звучащая над ребенком с первых дней его жизни, оказывается древней, имеющей ритуальную основу. Цель ее, упростившаяся в наши дни, была когда-то совсем другой и имела очень важное значение.

Слово в заговорной колыбельной – слово самостоятельное, уже оторвавшееся от обряда, хотя эта связь еще может иногда угадываться. Оно продолжает выполнять прежнюю магическую функцию, но без помощи обрядового действия. Можно с уверенностью говорить о том, что были когда-то песни, входившие в обряд родин, т.е. сопровождавшие само рождение человека. К сожалению, в русском родинном обряде они не сохранились, но свидетельством служат остатки таких песен у белорусов¹⁰. Можно предположить, что основной функцией подобных обрядных песен были помощь и защита. На мысль о справедливости такого предположения наводит широкое использование в родинной обрядности заговоров (т.е., все того же слова с магической функцией), цель которых – помогать и защищать.

Рис 5. Мать с младенцем на руках.
(Илл. М. Матвеева, вторая пол. XX в.).

РОДИННЫЙ ЦИКЛ ОБРЯДОВ¹¹

Родины – так на Руси называли весь комплекс обрядов, связанных с вхождением человека в мир. Этот комплекс состоял из трех частей:

- 1) обряды, сопровождавшие рождение ребенка;
- 2) обряды, символизировавшие его принятие в семью и общину;
- 3) очистительные обряды.

Весь цикл длился пять-семь дней. Главными действующими лицами были: новорожденный, **роженица**^и, повитуха^д, отец, крестные родители.

Период, когда женщина еще носит ребенка и готовится к его появлению на свет, полон суеверий^т, разных примет^т.

Во-первых, старались скрыть беременность от чужих, особенно от людей «худых», т.е. злых, плохих, а также от девиц и **старых дев**^и, которые могли сглазить^т. И вообще, чем меньше людей будет знать о беременности, тем меньше женщина будет мучиться при родах¹².

Во-вторых, стремились узнать, кто родится: мальчик или девочка. Хорошо, если мальчик, ведь он – будущий продолжатель рода, хозяин, а девочка – гостя и **разорительница**^и. Она уйдет в чужой род, да еще и с **приданым**^и. Но хоть бы и девочка – все лучше, чем вообще без детей [11: 264].

Было множество примет, по которым пытались определить пол будущего ребенка. Например: по изменениям во внешности матери (если подурнела^д – значит будет девочка, ведь «дочка у матери красу берет»); по ее поведению (**смущается**^и часто – девочку родит; сидя, правую ногу вытягивает – мальчик будет); по форме живота (круглый и широкий – девочка будет, «огурчиком», т.е. узкий и высокий, – значит родится мальчик) и т.д.¹³

Сама беременная пыталась повлиять на пол будущего ребенка, чтобы был «нужный»: она **брала «напрокат»**^и рубаху женщины, которая рожала только мальчиков; дружили семьями с теми, у кого все дети – мальчики.

Беременную женщину оберегали от самых тяжелых работ, но она продолжала трудиться и в поле и в доме, ухаживала за **скотиной**^и. Повитуху звали, как правило, когда роды уже начались, или даже по их окончании. У русских, как у многих других народов, был обычай рожать в **нежилых**^и помещениях (в бане, клети^д, хлеву^д), который был связан с представлениями о нечистоте роженицы. Страх перед новорожденным, как существом лиминальным^т, а следовательно, враждебным, переносился и на мать¹⁴.

Рис. 6. Баня курная («по-черному»). Архангельская обл., Мезенский р-н, с. Кильце (Фотогр. последней трети XX в.).

К началу родов женщина уходила или же все домашние выгонялись из помещения, особенно дети и **девки**^и. Это правило касалось и отца ребенка. Оно было широко распространено не только у русских, так как по древним представлениям физическая связь между отцом и ребенком признавалась только после рождения. И тогда проводились как бы

обряды усыновления¹⁵. Выдворенный^д из дому отец должен был заняться своим ремеслом, чтобы родившийся ребенок продолжил в будущем его дело.

Повивальная бабка, или повитуха (от глагола *повивать* – 'пеленать'), – очень важное лицо. Это, как правило, пожилая женщина, у которой обязательно были свои дети, ни в коем случае не молодуха^д, не девушка и тем более не мужчина. Предпочтение отдавалось уважаемым вдовам и вообще тем женщинам, которые вели безупречную жизнь¹⁶. Бывало, что ребенка принимала родная бабушка – свекровь или мать роженицы. С первой минуты своего появления в доме повитуха начинала действовать. Она кричала: «Отпирайте! Отпирайте! Отперли, отперли. **Запрягайте!**^н Запрягайте! Поезжайте! Поезжайте! Поехали, поехали...» Это чтобы роженица скорее **разрешилась от бремени**^н [63: 421–422].

В случае трудных родов развязывали все узлы (на поясах, платках, в косах ленты и т.д.), открывали все замки, распахивали двери, окна, **ставни**^н, расстегивали одежду. Чтобы облегчить и ускорить тяжелые роды, на порог и углы дома сыпали соль. В особо тяжелых случаях посылали кого-нибудь к священнику и просили открыть в церкви царские врата^т, зажигали венчальные свечи^т.

Повитуха принимала новорожденного в крупное решето^н: ребенок-то останется, а несчастья просеются. Затем она перерезала **пуповину**^н, обмывала и пеленала ребенка. Пуповину перерезали или перерубали, в зависимости от пола ребенка, на топоре (если мальчик) или на прялке^н (если девочка), чтобы дети были искусными в ремесле. Кусок пуповины завязывали узелком и могли хранить в **укромном месте**^н (в сундуке или за божницей^д). Верили, что если дать развязать узелок дочери, она станет настоящей пряхой^н. А если съесть такой узелок бездетной женщине, она исцелится от бесплодия.

Если ребенок **рождался «в рубашке»**^н, то ее высушивали и хранили как символ счастья или носили в виде ладанки^д как оберег^т.

Когда роды происходили в бане, ее **протапливали**^н, устилали пол соломой и все это сопровождалось ритуальными действиями и словами. Например, повитуха брала три камешка (у избы, с улицы и у бани), бросала их в воду для мытья и наговаривала: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Как эти камешки спят и молчат, никогда не кричат, не ревят <ревут> и ничего они не знают – ни уроков^д, ни призору^д, ни озеву^д, ни оговору^д, никакой скорби, так бы и у меня рабе <рабы> божией, младенец спал бы и молчал, никогда не кричал...» И затем мыла этой водой ребенка¹⁷.

Ребенка заворачивали в старую рубаху отца (если это был мальчик) или в **подол**^н материнской рубахи (если родилась девочка). Считалось, что тогда ребенок будет счастливым и лучше будет расти.

Повитуха не только принимала ребенка и проверяла, живой ли, не только обмывала его, но, если считала нужным, исправляла ребенку форму головы. Считалось, что от повитухи зависит сделать человека круглолицым или длиннолицым, или вообще уродом¹⁸.

Управившись^н с ребенком, запеленав его и уложив в колыбель, повитуха хлопотала вокруг роженицы. На три-четыре дня роженица оставалась в нежилом помещении. Под подушку для защиты от нечистой силы ей клали нож, травы и три слепленных вместе свечи. К роженице могла приходиться только повитуха¹⁹.

Для того чтобы уберечь ребенка от нечистой силы, его **окуривали**^н дымом, сжигая подол старой материнской рубахи, а над колыбелью вешали волчий **клык**^н. Если ребенок был слабый или больной, **нагая**^н повитуха, взяв его на руки, трижды обходила вокруг бани, читая заговоры на зарю²⁰.

Только после того, как роды заканчивались, об этом сообщали родственникам и соседям, вывешивая у дверей избы или около бани **на шесте**^н рубаху роженицы. Это был знак соседкам, что они могут **наведаться**^н к роженице. Этот обряд назывался «наведы». Приходили только замужние женщины, имеющие детей, и обязательно с **гостинцами**^н: блинами, пирогами, разными **лакомствами**^н. Это предназначалось роженице «на зубок» (для аппетита). Детям можно было полакомиться принесенными гостинцами, но мужу притрагиваться к этой еде строго запрещалось.

Обряды, символизирующие прием ребенка в семью и общину, начинаются крестинами. В отличие от других христианских церквей, где существует конфирмация, вытеснившая архаические формы инициации, православная церковь знает только крещение. Поэтому у русских церковные крестины совмещают в себе очистительные обряды, принятие новорожденного в семью и общину и имянаречение⁷.

Рис. 7. Крестины. (Худ. П. Коровин, 1890-е гг.).

Бытовая традиция восточных славян не сохранила внецерковный обряд наречения. Но до недавнего прошлого просуществовал интересный обычай давать второе имя, кроме официального, долгожданному ребенку, например: Ждан (от «жданый»), Первуша (от «первый»), Третьяк (от «третий») и т.д. В таких случаях официальным именем старались не пользоваться.

Обычай двойных имен был широко распространен до XVII в.: первое имя давалось по Святым⁷, второе было языческим. В качестве примера можно привести знаменитое Остромирово евангелие XI в., которое получило свое название по имени заказчика, в крещении Иосифа, а в миру – Остромира²¹. Имя по Святым выбирали в пределах восьми дней до и после рождения. Предпочитали, чтобы соответствующий святой был постарше (т.е. по календарю его день шел раньше, чем день рождения ребенка). Считалось, что тогда ангел-хранитель будет сильнее.

Имя имело огромное значение как знак принадлежности к человеческому обществу, влияющий на судьбу его носителя²².

Когда-то главная роль в выборе имени принадлежала повитухе, а в дальнейшем она перешла к крестному отцу и крестной матери (куму и куме).

В старину в крестные родители приглашали ближайших родственников, например, брата или сестру родителей ребенка. Они как бы становились посредниками между ребенком и общиной. Позже в крестные стали допускаться даже очень дальние родственники, а то и просто кто-нибудь из числа хороших друзей или знакомых. Но по-прежнему кумовство в народном сознании представлялось родством, поэтому категорически были запрещены браки между кумовьями и даже между членами их семей. Это распространялось и на второе поколение. «Кум с кумою – что брат с сестрою», – говорили в народе. Даже ссоры между покумившимися семьями рассматривались как большой грех²³.

Своеобразным отступлением от выбора в кумовья близких родственников был обычай приглашать в крестные первого встречного, входящего в деревню или появившегося

на перекрестке дорог. Этот обычай имел силу только тогда, когда предыдущий ребенок в этой семье умирал. Таких кумовьев называли «*Божьи кумы*». Считалось, что они посланы Богом, и ребенок у таких кумовьев находился как бы под особым Божьим покровительством. Божьи кумы очень почитались, после обряда они становились полноправными членами общины²⁴.

Крестный отец покупал ребенку крестик, платил за проведение обряда, приносил свой хлеб на крестины и носил воду для купели^Т. Крестная дарила ткани на рубашечки крестнику и платок или полотенце утирать руки священнику, а также полотенце, на которое вынимали ребенка из купели. Кумовья принимали крестника после обряда, вносили его в дом, дарили деньги матери и ребенку «на зубок».

Когда крестники подрастали, куму и куме полагалось учить их грамоте и молитвам. Они имели право вмешиваться в воспитание своих крестников. Если те становились сиротами, крестные принимали на себя обязанности родителей. Во всех важнейших событиях жизни крестника место крестных родителей – рядом с его родными родителями. Детей всегда воспитывали в духе особого **почтения**^И к крестным.

Куму и куме надо было соблюдать многочисленные обычаи, ведь с их поведением на обрядах крещения связывали разные приметы. Например, когда кум несет воду для крещения, ему нельзя пользоваться коромыслом^Д, чтобы ребенок не стал **сутулым**^И. Кума могла погадать в церкви о судьбе ребенка: в воду купели кидали восковой шарик с волосиками младенца и смотрели, что будет: если поплывет – ребенок будет жить, потонет – к скорой смерти.

После крестин кума, схватив повой (полотенце, на которое вынимали ребенка из купели), бежит скорее к реке, чтобы отполоскать: чем быстрее бежит, тем скорее ребенок пойдет. Воду из купели нельзя было выливать в реку или рядом с рекой, родником, колодцем, чтобы они не стали нечистыми, а источники не **иссякли**^{И25}. После крестин ребенка приносили домой и на несколько секунд клали его на порог, откуда его поднимал отец. Затем трижды обносили вокруг стола, символически принимая новорожденного под родной кров^Д, в число членов данного рода. Если прежде в этой семье дети умирали, то окрещенного новорожденного передавали отцу через окно, желая обмануть болезни и смерть.

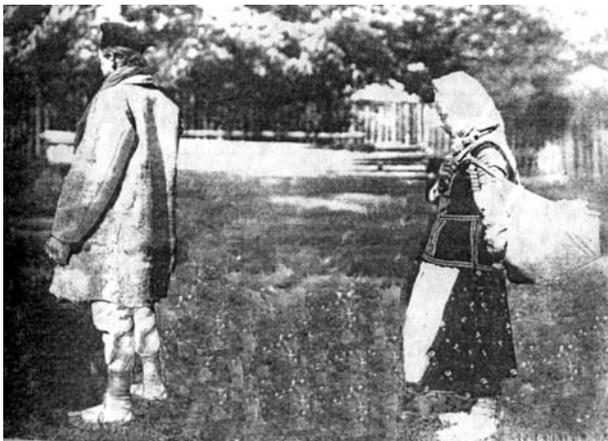

Рис. 8. Возвращение кумовьев с ребенком из церкви после крещения. Игуменский у. Минской губ. (Фотогр. конца XIX в. (РЭМ, № 807-51)).

После крестин происходил еще один обряд – крестильный обед. В нем принимала участие вся община. Приглашали всех «на хлеб, на соль к младенцу, кашу есть», а если кто-то из жителей деревни не мог прийти на трапезу^Д, ему приносили немного ритуальной каши в платке. Это обязательное участие было свидетельством того, что вся община принимала нового члена и брала его под свою защиту.

Крестильный обед мог называться еще «бабина каша». Название происходит от главного ритуального блюда – каши, которую готовила повитуха. Каша эта из пшена или гречи (в некоторых местностях ее называли «коливо») **заваривалась очень круто**^И, так,

чтоб «ложка стояла». Варили ее на меду и сильно пересоленной, а иногда еще и **приправляли**^и чем-нибудь острым.

Крестильный обед проходил как бы в двух действиях: угощение для собравшихся и ритуал²⁶. Угощение бывало, как правило, очень обильным и включало в себя несколько перемен блюд. Когда же доедалось все поданное, повитуха подавала на стол пирог, ставила горшок с кашей и приносила на блюде штоф^д с водкою. С этого начиналось действие второе – сам ритуал.

В некоторых местах, например в Нижегородской губернии, обрядовый пирог из рук повитухи принимали крестные и, высоко подняв его, разламывали (чтобы крестничек был высоким и **статным**^и). С той же целью горшок каши ставили на некоторое время под потолок на полку.

Все, что ставилось повитухою на стол, сопровождалось приговорками^т. Например:

Бабушка подходит,
Кашку подносит.
На корысть^д, на радость,
На Божью милость.
На толстые одонья^д,
На высокие скирды.
Кашку на ложки,
Мальчику на ножки! [44. I: 25]

Затем повитуха брала штоф и начинала обносить всех, но по обычаю первую чарку^д предлагали выпить ей самой. После повитухи чарку принимал отец новорожденного. А на закуску повитуха подавала ему ложку каши. При этом она приговаривала: «Ешь, отец-родитель, ешь, да будь пожеланный <добрее, желаннее> к своему сынку (дочке)!» Отведав ритуальной каши, отец забрасывал ложку на полати^д, чтобы новорожденный рос скорее. Следом за отцом кашей угощались кумовья (крестные родители), а за ними пили и ели остальные. При этом всякий, не исключая отца новорожденного, клал на блюдо деньги для бабки-повитухи и на пирог отдельно – для роженицы.

У северных русских кум с кумой ели кашу **черенками**^и **ложек**. Гости старались съесть кашу как можно скорее, чтобы новорожденный быстрее начал говорить. С той же целью крестный и крестная **без умолку болтали**^и. Остатки водки, которой угощали всех гостей (разумеется, за исключением женщин и детей), выплескивали в потолок – опять же чтобы маленький рос скорее, а горшок из-под каши обычно разбивали.

После обеда гости благодарили хозяев, желали им всего хорошего, а новорожденному – здоровья и долгих лет и расходились по домам. Оставались только кум с кумой. Они обязательно должны были немного отдохнуть – тоже примета: чтобы ребенок был тихим и спокойным. Вечером им предлагали **опохмелиться**^и после обеда. Тут они делали друг другу подарки: кум от кумы получал «на память» платок, которым должен был тут же утереться, потом он целовал куму и дарил ей деньги. Прощаясь с родителями крестника, кумовья получали с собой по пирогу и еще что-нибудь: платок, мыло, чай и т.п. [28: 324–325; 44. I: 26].

Как можно скорее после обряда крещения проводились очистительные обряды. Обряд очищения водой роженицы и повитухи – одна из древнейших традиций у многих народов²⁷. Так как роженица считалась нечистой, первые дни после родов она проводила в нежилых помещениях. Даже позднее, когда стали считать возможным для роженицы находиться в одном помещении с семьей, она все равно ела отдельно и за общий стол не садилась. Она не должна была касаться хлеба, зерна, не имела права месить тесто, ей не полагалось доить корову и, конечно же, прикасаться к таким предметам, как иконы, лампы^т и т. д.

Рис. 9. Размоины <Мать новорожденного поливает на руки повитухе> (Болгария, фотогр. последней трети XX в.).

В некоторых областях наиболее опасными считались первые девять дней после родов. Поэтому и обряд очищения, так называемые *размоины*, совершался именно на девятый день, сразу после крестин. Но бывало, что некому было заняться хозяйством, поэтому с очистительными обрядами торопились. Размоины совершались на седьмой или даже на третий день, но тогда, как правило, на сороковой день обряд повторялся. Этим же обрядом очищалась и повитуха.

Только после этого она снова могла принимать роды [11: 263–264; 28: 325].

Для проведения обряда зажигали свечу перед иконами, и, помолившись, повитуха и роженица обмывали друг другу руки водой, в которую «на легкость» клали **хмель**¹ и «на счастье» – серебро. Иногда в воду клали еще яйцо и овес. Тогда при обмывании повитуха приговаривала: «Как хмель легок да крепок, так и ты будь легка да крепка; как яичко полное, так и ты полней; как овес бел, так и ты будь бела...»²⁸.

Сразу после обряда очищения происходило прощание с повитухой. Часто, прощаясь, клали земные поклоны (свидетельство большого уважения). Повитуха за свои хлопоты и заботы кроме денег, полученных на крестильном обеде, уносила подарки от семьи: хлеб, мыло, платок или полотенце и еще деньги, от гривенника (десять копеек) до рубля²⁹.

После ухода повитухи все заботы о ребенке принимала на себя мать. Она прежде всего следовала народной практике:

- чтобы младенец спокойно спал, нельзя качать пустую колыбель, иначе у маленького будет бессонница, он может умереть;
- важно следить за тем, чтобы колыбель не оставалась непокрытой, так как в нее может забраться «нечистый» и напугать дитя, а то и навредить ему;
- надо беречься, чтобы не «заспать¹ дитя», если ребенок спит не в колыбели, а с матерью;
- чтобы сон был спокойным, в колыбель клали веретено или гребешок; чтобы он не запоздал с речью, ему нельзя смотреться в зеркало;
- чтобы не сделался «сидякою¹», чтобы вовремя пошел, нельзя мести пол около сидящего ребенка;
- чтобы не умер вскоре после рождения, нельзя показывать его чужим людям и тем, кто его еще не видал (до шести недель);
- мать должна быть внимательной и следить за собой, чтобы не ругаться на младенца и тем более не проклинать его, не говорить **в досаде**¹: «Пропади ты пропадом!» **От брани**¹ и проклятий дети делаются глупыми, или не растут, или пропадают, или умирают не своей смертью³⁰;
- нельзя подшивать подол детской рубашечки – это все равно, что "подшивать" жизнь ребенка (т.е. к скорой смерти), и т.д.

Рис. 10. Дед-нянька. Брянский у. Орловской губ., 1908 г. (Фотогр. из фондов ГМЭ).

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru